

«Театр куклол — искусство важное, нужное, он абсолютно современен и не может быть заменен никаким другим видом театра».

С. Образцов.

...Отчаянный мальчишка — Вовка носился по сцене — круглолицый, с удивленными круглыми глазами и вздернутым носом. На нем была коричневая меховая куртка, а уши теплой шапки смешно торчали в разные стороны. Мальчишка был страшно занят и торопился: он поссорился со своей мамой и искал себе... новую маму.

Вовка всего-навсего кукла, но об этом сразу как-то забылось: его круглая мордашка вызвала удивление, и печаль, и восторг, и еще кучу всяких чувств! Спектакль показался мне необычным для кукольного театра. В нем не все лежало на поверхности: вот тут — смешное, а тут — страшное. Он был сложнее, с мягкой «грустинкой». И подкупала благородная идее: человеку никак нельзя ссориться с мамой, ведь если это произойдет, как произошло с Вовкой, то все в мире станет совсем плохо.

Почему такими «живыми» казались куклы, созданные к спектаклю «Не буду просить прощения» (по сказке С. Прокофьевой) художницей театра М. Н. Фирстовой? Конечно, прежде всего Маргарита Николаевна очень полюбила и пьесу, и Вовку, поэтому они так удались. Но главное я поняла, когда попала за кулисы.

В простоте душевной я раньше думала, что актеры, водятся куклол, просто «проговаривают» из-за кулис свои роли. А они, оказалось, играли, играли этот спектакль самозабвенно, так, что от них глаз нельзя было оторвать, — а ведь за кулисами никто их не видел... На крохотном пространстве, вдобавок забитом всяческим реквизитом, носились, помогали друг другу, проигрывали свои «куски», пели и приплясывали, и при всем том умудрялись не наткнуться друг на друга и не мешать один другому актеры. Мне, человеку взрослому, показались интереснее смотреть спектакль «с изнанки», наслаждаться игрой Розы Грибановой (Вовка), заслуженной артистки РСФСР Т. И. Долговой (мама), артистов Нины Обуховой (тетя), Владимира Аношкина (миллионер), Юрия Орлова (Воробей). Лишь одного артиста видели все — В. М. Борисова, тепло и добро играющего Волшебника. Этот волшебник подбрасывал Вовке испытания одно за другим: пусть поймет, что он потерял, поссо-

рившись с мамой.

Было ясно видно, что вся играющая здесь группа актеров очень любит этот спектакль, оттого он и хорош. Есть и еще одна причина: он весь идет под магнитофонную запись музыки Ш. Маллопа, каждое движение — в ритме музыки, здесь не сделаешь лишнее «па» — поэтому он строен и ритмичен, как танец.

ТЕАТР

СЕМЬ ДНЕЙ С КУКЛАМИ

Видимо, любовь к куклам — это что-то совсем особенное в артисте... Роза Константиновна Грибанова сказала: «Я училась в драматической студии. Но когда попала в кукольный, влюбилась в куклол раз и навсегда, и уж ни на что их не променяю...» Это точно. Надо видеть, как она самозабвенно играет Вовку, как «по-настоящему» мерзнет там за кулисами, как страдает от голода, как счастлива, когда, наконец, ее Вовка находит маму и так легко кричит: «Прости, мамочка!»

Казалось бы, невозможно заставлять людей работать в такой тесноте и неудобстве, на таком пространстве, как в этом кукольном театре. А они играют...

Еще несколько слов о спектакле «Не буду просить прощения». Я читала пьесу — она, думается, беднее того, что видит зритель на сцене театра. Главный режиссер И. М. Москалев значительно обогатил пьесу, использовал книжку того же автора. Появился волшебник, который сразу сделал понятными чудеса, происходящие на сцене (иначе для детского восприятия здесь было бы слишком много условностей). В спектакле в зримом, впечатляющем образе действуют Великие Холода, всемогущие и грозные. Они сделали пьесу богаче и эмоционально, и зрелищно.

И еще один спектакль удивляет и радует своей необычностью, новизной, богатством выдумки. Спектакль «Гусенок» по пьесе Н. Гернета и Т. Гуревича. Он не похож ни на что, иг-

равшееся на этой сцене раньше: в нем участвует зрительный зал. Ребята выходят на сцену читать стихи: поют песню вместе с хозяйкой гусенка Аленкой (эту роль очень изящно и легко исполняет А. Мананикова), хором предупреждают Аленку об опасности, — словом, они радостно участвуют в веселой игре. Спектакль был задуман как первое в жизни

ребенка посещение театра, он для самых маленьких. Решено было сделать так, чтобы искусство вошло в жизнь человека, как праздник. И спектакль стал таким праздником.

Надо понимать особенность зрителя театра куклол. Маленький человек познает мир в игре. Кукольный спектакль для него — это продолжение его жизни, т. е. игры, и действуют в нем куклы — родня его игрушечкам, в то же время «живущие» в ином, таинственном и непонятном мире...

Любой детский театр всегда мыслится как педагогический. В кукольный же дети попадают в самом нежном возрасте, когда впечатления человека особенно глубоки и яркие. Все это чалагает на театр особую ответственность.

Итак, два новых спектакля, поставленные новым режиссером театра И. М. Москалевым и оформленные М. Н. Фирстовой, звучат в театре современно и ярко. По постановке и воспитательному заряду они, пожалуй, безупречны.

Этого нельзя, к сожалению, сказать обо всем репертуаре театра. При одном режиссере и одной художнице (пусть остальные спектакли поставлены не И. М. Москалевым — они идут все-таки при его руководстве...) в спектаклях удивительное разнообразие. Разные спектакли по выдумке, идее, оформлению — это хорошо. Но разные по идейно-художственному уровню?

Идут несколько «вечных»

пьес: «Волшебная лампа Аладдина», «По щучьему велению», «Братья-лебеди» и другие. Играются они традиционно, без ярких взлетов фантазии, но и без особых, как говорится, «накладок». Идут эти спектакли по несколько лет, за это время хорошо отработались, но и кое-что, конечно, потеряли, стали привычными, заштамповались. В каждом есть свои достоинства, любой в чем-то можно упрекнуть. Так, чудесную восточную сказку про Аладдина хотелось бы видеть в более нарядных декорациях, более по-восточному «роскошной» — она оформлена совсем бедно, даже бесцветно.

Спектакль «По щучьему велению» хорошо, в русском стиле оформлен, в нем много смешного, но спектакль так беден по мысли, что под конец просто надоедает. Могут возражать: какая уж тут глубина и психология, в примитивной сказке! Это неверно. Смот же, например, артист А. Хвастунов создать интересный, характерный образ Ежа в «Гусенке»...

Почему-то большинство спектаклей сопровождается излишним шумом и каким-то гвалтом.

Что же, в общем, можно сказать о спектаклях театра? Они, в той или иной степени, служат главной задаче детского театра: воспитывают в ребенке любовь к прекрасному, а также лучшие качества человеческой личности.

Но один спектакль, на наш взгляд, вообще непонятно чему служит — он просто сбивает с толку. Это спектакль «Красные дьяволы» по пьесе П. Бляхина. Основное время спектакля отдано многочисленным пьяным вахханалиям бабки Махно и его приспешников. Играются они «со вкусом». Со сцены несутся разудалый «Цыпленок жареный» и другие песни того же рода, изображаются бесконечный мордобой, брань, овалки... Сам «бабка» разговаривает (не разговаривает, а орет, как и все остальные в спектакле) исключительно на жаргоне одесского блатного мира из рассказов Бабеля. Спектакль явно рассчитан на «ржачные» в зале. Одно утешение: ребята не смеются, такой «юмор» до них не доходит.

Последние работы театра показали, что художественный уровень спектаклей стал выше. Хочется, чтобы коллектив всегда был требователен к себе и неутомим в поисках. Тогда он будет нести зрителю настоящее искусство, которое будут любить и дети, и взрослые.

Л. НОСКОВА.

КОММУНАР

25 APR 1971